

И.М. Иванов

Петр Великий

**Его жизнь и государственная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.М. Иванов**
Петр Великий: Его жизнь и государственная деятельность / И.М. Иванов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 98 с.

ISBN 978-5-458-05928-2

Биографический очерк И.М. Иванова. С портретом Петра Великого, гравированным в Лейпциге Геданом.

ISBN 978-5-458-05928-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Введеніе	5
II. Рожденіе.—Дѣтство и юность	16
III. Начало единой державы.....	26
IV. Сѣверная война.....	39
V. Государственныя реформы.. ..	51
VI. Общественныя преобразованія.....	60
VII. Сотрудники	66
VIII. Семья и послѣдніе годы.....	72
IX. Личность.....	79
X. Взглядъ на реформу	89

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

- I. Письма и бумаги Петра Великаго. Т. I—III. Спб. 1887—93 г.
- II. Архивъ кн. О. А. Куракина. Саратовъ.
- III. Вестужевъ - Рюминъ, К. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1872 г. 6.
- IV. Брикнеръ, А. «Исторія Петра Великаго».
- V. Военный Сборникъ. «Петръ В. и его армія». 1872 г. 6.
- VI. Герье. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1870 г. 1—4.
- VII. Гротъ, Я. «Записки Имп. Академіи Наукъ». Т. 21, кн. 1.
- VIII. Дьяконовъ. «Власть московскихъ царей».
- IX. Кавелинъ. Сочиненія. Т. I.
- X. Костомаровъ. «Русская исторія въ жизнеопис. ея гл. дѣятелей». Выпускъ VI.
- XI. Лееръ. «Петръ В., какъ полководецъ». В. Сб. 1865 г. 3—4.
- XII. Милуковъ, П. «Гос. хозяйство Россіи въ перв. четв. XVIII ст. и реформа Петра В.».
- XIII. Михайловскій, Н. «Слѣды Петра Великаго». Сочиненія, т. I, изд. 1896 г.
- XIV. «Отзывъ Петра Великаго объ вашихъ отношеніяхъ къ Европѣ». «Русскій Архивъ». 1874 г. 6.
- XV. Павловъ-Сильванскій. «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.» 1897.
- XVI. Погодинъ. «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора П. В.».
- XVII. Соловьевъ, С. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». XII—XVIII тт.
- XVIII. Устряловъ. «Исторія царствованія Петра Великаго». 6 т.
- XIX. Шмурло. «Петръ В. въ русской литературѣ». «Ж. М. Н. Пр.» 1889 г. 7—9.
- XX. Шубинскій, С., и Петровъ, П. «Альбомъ 200 лѣтн. юбилея Петра Великаго».

Авторы: Аксаковъ, Бѣлинскій, Голиковъ, Градовскій, Добролюбовъ, Забѣлинъ, Кирѣевскій, Латкинъ, Пыпинъ, Трачевскій и др.

И. М. Ивановъ.

I.

В в е д е н і е.

У Отца отечества были, конечно, родители и предки,—тѣ именно самые, на которыхъ указываетъ «родословіе царскія фамиліи». Но со стороны наслѣдственности, физическая и психическая организація Петра до сихъ поръ не изслѣдована научно Родъ Захарьиныхъ-Романовыхъ далъ много воеводъ и сановниковъ. Но они выдвинулись главнымъ образомъ преданностью московскимъ царямъ и ревностнымъ служеніемъ православной церкви. Энергичный и устойчивый характеръ Филарета во многомъ уступаетъ несокрушимой волѣ и широкому размаху могучихъ страстей Преобразователя. Отъ кого наслѣдовалъ Петръ талантъ полководца, дальновидность политика, правдивость и гений великаго историческаго дѣятеля,—біографы не даютъ отвѣта. Но несомнѣнно, что сила и направленіе его стремительной воли, не знавшей препятствій, могли выработаться только въ условіяхъ московскаго самодержавія. Для Петра «я хочу» сливалось съ формулой «быть по сему», образовавшейся исторически. Исходнымъ пунктомъ власти московскихъ царей послужила защита русской народности и охрана правовѣрія. Съ поворотомъ народной жизни отъ востока къ западу самодержавіе принимаетъ формы европейской государственности.

«Тишайшій» царь Алексѣй высказывалъ самое возвышенное представленіе о своихъ самодержавныхъ правахъ: «Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду». Но между желаніемъ и исполненіемъ лежала цѣлая пропасть; дѣйствительность не мирилась съ субъективнымъ настроеніемъ царя: «добрый Алексѣй—пишетъ Мейербергъ—находится совершенно въ осадѣ у своихъ вельможъ и любимцевъ, такъ что никому нѣтъ къ нему доступа. А эти любимцы скрываютъ отъ него вопли угнетенныхъ ими, и нужды царства, и пораженіе войскъ русскихъ; если же не скрываютъ, то,

представляютъ все въ такомъ видѣ, какъ это нужно для ихъ цѣлей». Царь терялъ связь съ народомъ, съ русской землею. Былъ моментъ, когда московское самодержавіе перерождалось въ восточную деспотию. Но обожествленія человѣческой личности, на какой бы высотѣ она ни стояла, не допускало натуральное міросозерцаніе славянъ и сущность христіанскаго вѣроученія. Мистификація была невозможна также вслѣдствіе международнаго положенія государства. Москва слишкомъ близко придвинулась къ западно-европейскимъ культурамъ.

Право, какъ извѣстно, не существуетъ искони, а образуется во времени, не субъективнымъ произволомъ людей, а объективнымъ процессомъ жизни народовъ. Отъ первоначальныхъ условій зависитъ судьба cadaго историческаго движенія. Остановимся поэтому на главныхъ моментахъ эволюціи московскаго самодержавія, которое впоследствии преобразуется въ высшія формы государственности.

Татарское иго перенесло центръ политической жизни Руси съ запада къ востоку. Экономическій достатокъ московскихъ князей образовалъ ядро новой государственности. Князья-помѣщики, князья-хозяева прежде всего заботились о томъ, чтобы умножить свои имѣнія и обратить ихъ въ наследственную вотчину. Они съ одинаковымъ искусствомъ пользовались деньгами, родственными связями и политическими обстоятельствами. Какъ князья православные, они являлись центромъ объединенія русской земли; собирая же ордынскую дань, московскіе князья, слуги татарскаго хана, округляли свои вотчины владѣніями удѣльныхъ князей и сѣверной вольной Руси. Съ ростомъ государства росла и политическая власть. Въ то-же время древнерусская проповѣдь и письменность подготавливали умы къ воспріятію новыхъ политическихъ началъ. «Цари и князья—внушали пастыри—не должны предавать стадо христово на расхищеніе звѣрямъ, т. е. іудеямъ, еллинамъ, еретикамъ, отступникамъ и всѣмъ невѣрнымъ». Заимствуя примѣры и идеи изъ ветхозавѣтной и византійской литературы, православные публицисты создаютъ теорію русскаго царства.

Послѣ флорентійской уніи в. кн. московскій является въ новой роли блюстителя правовѣрія и названъ «царемъ истиннаго вѣры православія». В. кн. Василій такъ формулируетъ свои самодержавныя стремленія митрополиту Кипріану: «вы поставлены къ миру и любви учить, мѣ же имѣніе собирать и возноситеся». Иванъ III титулуется себя: «Божіей милостью единый правый государь всея Руси и самодержецъ». Съ пріѣздомъ Софіи Палеологъ, онъ принимаетъ, по преемству отъ византійскаго императора, гербъ двуглаваго орла,

устанавливаетъ придворный этикетъ и обычай вѣнчанія на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ.

Передача власти всѣхъ одному происходитъ почти безсознательно, въ силу потребности самосохраненія и охраны православія отъ внѣшнихъ враговъ: татаръ, поляковъ, шведовъ, нѣмцевъ. Государственное тѣло росло, крѣпло, развивалось и распространялось по направлению меньшаго сопротивленія: теряли вольность Псковъ и Новгородъ, покорялись Казань и Астрахань, завоевывалась Сибирь, возвращались Литовскія земли, присоединялась Малороссія. Самой элементарною, но и самой главною потребностью оставалась потребность національной защиты и политическаго роста. Международныя столкновения развиваютъ внутреннее строеніе. Политическія отправления налагаютъ нѣкоторыя ограниченія на свободу гражданъ и крестьянъ. Сложное сотрудничество, т. е. раздѣленіе труда, благодаря которому только и возможно общество и развитіе военной силы, получаетъ организацію принудительную и приказную. По мѣрѣ роста соціального организма ослабѣваютъ прежнія кровныя связи между особями, опека рода надъ личностью; уничтожаются первоначальныя природныя подраздѣленія; мелкія мѣстныя общества соединяются въ болѣе крупныя. Самодовлѣющая организація отрицаетъ всякое независимое сотрудничество, всякій другой свободный союзъ. Всѣ сословія призываются на службу государства. Въ XVI ст. московское правительство еще не установило этого правила, но историческая дѣйствительность уже подготовила матеріальныя условія для его установленія.

Такъ, отдѣльные слои населенія, посредствомъ «службы», «тягла», «крѣпости къ землѣ», становятся полусвободными сословіями московскаго государства.

Царствованіе Ивана IV представляетъ собою кровавую страницу борьбы власти съ московскою аристократіей и окончательное пораженіе послѣдней. Грозный повелѣлъ «хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ», которые «по Божію повелѣнію не должны отменяться своего работнаго ига и владычества своего государя». Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ всякое значеніе избранной рады, такъ какъ, по его мнѣнію: російскіе самодержцы «изначала сами владѣютъ своими царствами», и государь не можетъ назваться самодержцемъ, «если не самъ строить». Въ томъ же смыслѣ онъ писалъ Курбскому: «тщуся со усердіемъ люди во истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя».

Смутное время опять выдвигаетъ на историческую сцену понят-

ные и дорогіе для массы интересы народности и православія, которые осуществиться, по народному воззрѣнію, могли только въ конкретныхъ и универсальныхъ формахъ московскаго самодержавія.

Для избранія царя земскіе люди собрались въ Москвѣ — традиціонномъ центрѣ политической жизни Россіи. Знатные бояре не однажды, въ годы малолѣтства царей и междоусобицъ, захватывали верховную власть въ свои руки; они и теперь не опускали случая приобрести первенствующее значеніе въ государствѣ. При избраніи на царство шестнадцатилѣтняго Михаила, Шереметьевъ пишетъ къ кн. Голицыну: «Миша Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и для насъ будетъ поваденъ». У народа были, конечно, свои соображенія. Въ его сознаніи свойство кровнаго родства отождествлялось съ правомъ, имѣвшимъ историческое происхожденіе. «Избрали люди и всѣ православные на Московское царство царемъ отъ царскаго роду, царя Оедора Ивановича племянника», говорится въ псковской лѣтописи; то-же самое и въ лѣтописи Никоновской и о мятежахъ. Имя Романовыхъ было особенно популярно въ народѣ: Анастасія изъ ихъ рода первая жена Іоанна IV; о Никитѣ Романовичѣ въ народѣ говорили, что онъ спасъ многихъ отъ гнѣва и казней Грознаго; были свѣжи преданія и о страданіяхъ семейства Романовыхъ при царѣ Борисѣ; наконецъ, поведение Филарета въ дѣлѣ посольства, его плѣненіе придавали ему значеніе «мученика за вѣру и за русскую землю». Избранный въ цари народною волею, Михаилъ Оедоровичъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣщался съ боярами, духовенствомъ и земскими соборами.

При Алексѣѣ Михайловичѣ самодержавіе достигаетъ высшаго развитія, подчинивъ духовное сословіе свѣтскому суду и власти. Личныя качества царя, въ особенности богословская начитанность, обезпечивали за нимъ полное торжество при столкновеніи съ равноправнымъ патріархомъ. Но Никонъ является только выразителемъ притязаній всего духовнаго сословія. Гораздо раньше представители церкви проводили въ своихъ посланіяхъ ту мысль, что авторитетъ священно-служителей выше государственнаго авторитета. Такъ, въ поученіи митрополита Алексѣя сказано: «а людская чадь Бога бойтеса, а князя чтите, а священство имѣйте выше своего главы со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія». То же самое говоритъ и Никонъ; его тонъ страстнѣе, рѣчь воодушевленнѣе, потому что онъ имѣетъ дѣло съ конкретными фактами возвышенія самодержавія. Но, не добываясь возвышенія патріаршаго престола, Никонъ въ то же время не могъ признать подчиненія церкви государству.

Въ борьбѣ съ древне-русской церковью самодержавіе нашло для себя поддержку въ греческомъ и, въ особенности, малорусскомъ духовенствѣ. Когда потребовалось переводить священное писаніе, московскіе ученые книжники «находили еретическій смыслъ тамъ, гдѣ встрѣчались грамматическія особенности и непонятное для нихъ значеніе словъ». Пришлось обратиться къ чужой помощи: техническая сторона церковной реформы поручена ученому Славинецкому и другимъ кievскимъ монахамъ.

Старообрядцы, оставшіеся вѣрными мѣстному преданію, признаны были не только раскольниками, но и государственными преступниками. Ихъ пытали жестокими муками, чтобы вывѣдать учителей; наказывали кнутомъ и ссылкой каждаго, кто укрывалъ ихъ. Завѣдомыхъ раскольниковъ казнили или жгли въ срубахъ, а пепель развѣивали по вѣтру. Старообрядцевъ власть покоряла авторитетомъ легальнаго духовенства и обновленной церкви, а надъ самимъ великорусскимъ духовенствомъ возвышалась авторитетомъ учености кievо-малорусскихъ монаховъ.

«Вы, новые мудрецы, — писалъ о нихъ Дамаскинъ, — выучите по латыни b, c, d или не много болѣе этого, да и величаетесь; другихъ унижаете, всякій санъ и архіерейскій, и священническій ни во что вмѣняете, людей искусныхъ въ св. писаніи обзываете неучками и невѣждами».

Но правительство предпочитало «новыхъ мудрецовъ» старому, но невѣжественному московскому духовенству.

Такимъ образомъ церковная реформа шла въ руку государственному началу и была новою ступенью возвышенія московскаго самодержавія.

Около того времени пріѣхалъ въ Москву славянскій публицистъ Юрій Крижаничъ, съ намѣреніемъ потрудиться въ Россіи для своей любимой идеи всеславянства. «Ты единый царь — говоритъ онъ Алексѣю — ты намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ, дабы познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о своемъ просвѣтлѣніи и сбросили съ шеи нѣмецкое ярмо». Крижаничъ указывалъ на необходимость преобразования, предвосхитивъ, такимъ образомъ, своей программой многія изъ будущихъ реформъ: «мудрость — пишетъ онъ — переходитъ отъ народа къ народу... Теперь пришло время для нашего народа учиться; Богъ возвысилъ на Руси такое славянское государство, какому подобнаго не было въ нашемъ народѣ въ прежнихъ вѣкахъ; а мы видимъ у другихъ народовъ: когда государство возрастетъ до высокой степени величія,

тогда и науки начинаютъ процвѣтать въ народѣ». Но возрѣнія пропагандиста на единую церковь христову и желаніе «мирить грековъ и римлянъ» вызвали преслѣдованіе сильныхъ міра сего: съ Крижаничемъ расправились безцеремонно: сослали на жительство въ Толбоськъ.

Религіозныя отношенія оказались безсильными связать одноплеменные народы. Дѣятельное и живое общеніе Москвы съ западомъ развелось на почвѣ интересовъ экономическихъ и политическихъ. Семь вѣковъ мы прожили внѣ общечеловѣческихъ вліяній! Органическій ростъ продолжался слишкомъ долго: весь удѣльно-вѣчевой и московскій періодъ. Москва свергла татарское иго и наслѣдовала внѣшній блескъ Византіи; но по своему внутреннему строенію осталась самобытнымъ государствомъ, съ явно выраженными признаками военного типа. Мирные поселяне, живущіе въ общинномъ трудовомъ укладѣ, никогда не могли понять интересовъ государства и протестовали бунтами, бѣгствомъ въ казачество, переходили въ расколъ или колонизировали новыя земли.

Много было горячаго матеріала въ самой Бѣлокаменной; рядомъ уживались разнообразныя общественныя элементы: холопы и бояре, кабальные, вольные люди и приказные, посадскіе и именитые гости, раскольники и никовіанцы. Низшіе классы находили исходъ изъ бѣдности и угнетенія только въ пьянствѣ да грабежѣ. Знатные бояре какъ владѣльцы феодальныхъ замковъ, разбойничали по проѣзжимъ дорогамъ и изъ своихъ хоромъ, обнесенныхъ высокимъ тыномъ, выпускали на прохожихъ псовъ и вооруженныхъ холоповъ. Случалось, что стрѣльцы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, шли войною на солдатъ Нѣмецкой слободы: тогда на мирныхъ улицахъ и площадяхъ первопрестольной разыгрывались настоящія сраженія съ рукопашной схваткой и пальбой изъ ружей и пушекъ. Нерѣдки были бунты и мятежи въ Москвѣ. Шумныя волны бушующаго народа достигали Кремля и царскаго дворца. Толпа требовала отъ царя смѣны временщиковъ, — «иначе народъ погибнетъ въ конецъ!». Правительство дѣлало уступки, отставляло провинившихся и назначало новыхъ лицъ на мѣсто ихъ; но порядокъ дѣлъ оставался прежнимъ. Въ массѣ постоянно держалось недовольство и глухой ропотъ на приказное правленіе, которое слыло подъ названіемъ «московской волокиты» Пожары, разбои и волненія—обычныя народныя бѣдствія того времени.

«Общее недовольство сословій, — пишетъ Устряловъ, — замѣтное въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, разразилось, по

воцареніи сына его, страшнымъ бунтомъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнулъ бунтъ коломенскій; тамъ поднялся на Дону Разинъ; тутъ взволновалась Малороссія. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась».

Между народомъ и государствомъ существовалъ постоянный антагонизмъ. Сила русской земли сконцентрировалась, какъ въ фокусѣ, во власти главы государства, но московская форма не была вѣрнымъ выраженіемъ народной жизни. Причина ясна: интересамъ земли не отвѣчали порядки, продиктованные политическими потребностями. Когда московское государство вошло въ политическія сношенія съ западомъ, само собой возникли сравненія русскихъ порядковъ съ иноземными, и явилась потребность въ новыхъ средствахъ національной самозащиты.

Россію съ культурными народами сближали ранѣе другихъ представители торговли и промышленности, а затѣмъ — путешественники и ученые, обладающіе страстью къ географическимъ открытіямъ или пріѣзжающіе въ Россію съ политическими намѣреніями и предложеніями.

Медленно, но непрерывно завязывались торгово-промышленныя сношенія между русскими и иностранцами. Мало по малу англичане забрали въ свои руки всю внѣшнюю торговлю московскаго государства. Русскіе торговцы изъ разныхъ городовъ подали царю Алексѣю челобитную, въ которой умоляли «не дать имъ, природнымъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, быть отъ иновѣрцевъ въ вѣчной нищетѣ и скудости», иноземцы смѣются надъ русскими купцами: «мы ихъ-де заставимъ торговать одними лаптями». Правительство принимало мѣры противъ свободной торговли иностранцевъ, покровительствовало національной промышленности, вызывало изъ-за границы мастеровъ и заводчиковъ, но своимъ подданнымъ не разрѣшало свободного выѣзда изъ предѣловъ государства.

Заграницу ѣздить «не поволено!» кромѣ какъ по царскому указу да по торговымъ дѣламъ. Духовенство опасалось, что православные, «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою отмѣнять и приставать къ инымъ». За тѣхъ, которые торгуютъ за границей, собирали «познатныхъ нарочитыхъ людей поручныя записи, за крѣпкими поруками». А кто былъ за границей безъ проѣзжей грамоты, того, «пытавши, казнили смертию»; когда же оказывалось, что онъ ѣздилъ дѣйствительно по торговому дѣлу, то били только кнутомъ, «чтобы инымъ неповадно было» («Уложеніе», VI, 4).

Но «новшества» проникали въ жизнь силой вещей. Предметы

удовольствія и удобствъ жизни допѹскались во дворцѣхъ и домахъ московской знати; наибольшее распространеніе пріобрѣли часы, музыкальные инструменты, нѣмецкія платья, картины, заграничныя экипажи. Среди бояръ выдавалось нѣсколько западниковъ: Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ. Тѣмъ не менѣ старая московская партія была еще сильва и крѣпко стояла за національную обособленность и косность. Сохранился указъ «о неношеніи платья и нестриженіи волосъ по иноземному обычаю», данный въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича. (Полн. собр. зак. № 607, августа 1675 г.). Но распоряженіе патріарха и происки старой партіи являлись теперь, что называется, отрицательной пропагандой новшествъ. Черезъ запрещеніе желаніе обладать удобствами жизни не уменьшалось, и никакими средствами нельзя было уничтожить разъ проникшія въ жизнь представленія о культурѣ. Неудовлетворенныя потребности становились страстнѣе и интенсивнѣе, — вотъ причина, почему потокъ нововведеній проявилъ особенную силу и стремительность, когда снесена была плотина запрещеній.

При царскомъ дворѣ уже служили иностранцы: доктора, аптекаря, окулисть, алхимистъ, переводчики, часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастера и пр. — подъ вѣдомствомъ аптекарскаго приказа. Государственныя потребности и, въ особенности, ратное дѣло требовали участія въ русской службѣ иностранцевъ: офицеровъ, артиллеристовъ, инженеровъ и разныхъ мастеровъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, по настоянію духовенства, всѣ иностранцы, разныхъ національностей и исповѣданій, выселены были изъ Москвы на окраину города, въ особую слободу, прозванную Нѣмецкою: здѣсь обитали представители разныхъ ремеслъ и искусствъ, принадлежащіе къ различнымъ національностямъ.

Когда московское государство готово было выйти изъ національной замкнутости и отчужденности, тогда оно встрѣтило враждебное отношеніе къ себѣ сосѣднихъ государствъ — Польши, Швеции и даже городовъ Дерпта, Ревеля, Любека и др. Мотивы его откровенно формулированы еще въ 1567 году королемъ польскимъ Сигизмундомъ въ письмѣ къ королевѣ английской Елизаветѣ: «дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи, ибо непріятель отъ сообщенія просвѣщается и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, онъ снабжается самыми художниками, такъ что, если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ ху-